

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-99-109

Ю.В. Лазарев

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000 г. Рязань, Российская Федерация

Образ учителя-словесника в стихотворениях учеников In Memoriam

Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневной жизни российского учителя-словесника. Своёобразным и недостаточно полно изученным источником повседневности являются стихотворения In Memoriam. Нами проанализированы стихотворения, опубликованные в различных источниках, посвященные известным учителям-словесникам конца XIX – начала XX вв.: В.И. Водовозову, С.А. Варшеру, В.П. Острогорскому, П.В. Смирновскому. Цель работы – реконструкция восприятия образа учителя-словесника в стихотворениях учеников In Memoriam. В статье используется сравнительно-исторический метод исследования, привлекаются мемуарные источники, введены в научный оборот ранее малоизвестные широкому кругу материалы. Выявлено, что стихотворения In Memoriam имеют единый принцип организации: акцент в них делается на восприятии смерти учителя и на самом учителе. При этом личные качества и факты биографии упоминаются в сжатом виде. Авторы создают не конкретные образы своих героев (реальные черты можно лишь уловить), а художественно воссоздают именно образ учителя с его набором добродетелей. Стихотворения имеют и специфическую эмоциональную окрашенность: в них доминируют мотивы грусти, скорби, невосполнимости утраты, присутствует соединение мотивов ухода из жизни и бессмертия. В то же время преимущественное внимание обращено именно на учительские заслуги словесников, их роль в формировании духовного мира своих учеников. Устанавливается, что категория памяти является важнейшей в системе художественных координат всех произведений. Делается вывод о том, что все стихотворения объединяет выразившееся в них авторское понимание личности и судьбы учителя-словесника, а произведения мемориальной лирики позволяют дополнить общую картину истории школьного литературного образования.

Ключевые слова: история школьного литературного образования, повседневность учителя-словесника, стихотворения In Memoriam, В.И. Водовозов, С.А. Варшер, В.П. Острогорский, П.В. Смирновский

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Лазарев Ю.В. Образ учителя-словесника в стихотворениях учеников In Memoriam // Литература в школе. 2020. № 3. С. 99–109. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-99-109

Yu.V. LazarevRyazan State University named for S.A. Yesenin,
Ryazan, 390000, Russian Federation

The image of the teacher of literature in the poems of students' In Memoriam

Abstract. The article is devoted to the daily life of a Russian language teacher. A peculiar and insufficiently studied source of everyday life description is the poems In Memoriam. We have analyzed poems published in various sources and dedicated to famous language teachers of the late XIX – early XX centuries: V.I. Vodovozov, S.A. Varsher, V.P. Ostrogorsky, P.V. Smirnovsky. The purpose of the work is to reconstruct the perception of the image of a language teacher in the In Memoriam poems of students'. The article uses a comparative historical research method, recruits memoirs, introduces previously little-known materials to the scientific community. It is revealed that the poems In Memoriam have a single organization principle: The emphasis in them is put on the perception of the death of the teacher and the teacher himself. At the same time, personal qualities and biography facts are mentioned in a condensed form. The authors do not create specific images of their heroes (one can only catch the real traits), but artistically recreate the image of the teacher with his set of virtues. Poems have a specific emotional coloring: the motives of sadness, grief, irreplaceability of loss dominate in them; there is a combination of motives for passing away and immortality. At the same time, the primary attention is paid specifically to the teaching merits of the educators', their role in shaping the spiritual world of their students. It is established that the category of memory is the most important in the system of artistic coordinates of all works. It is concluded that all the poems are united by the author's understanding of the personality and fate of the teacher of literature, expressed in them, and the works of memorial poetry can supplement the overall picture of the history of school literary education.

Key words: history of school literary education, the daily routine of a literature teacher, In Memoriam poems, V.I. Vodovozov, S.A. Varsher, V.P. Ostrogorsky, P.V. Smirnovsky

CITATION: Lazarev Yu.V. The image of the Teacher of Literature in the Poems of Students' In Memoriam. *Literature at School*. 2020. No. 3. Pp. 99–109. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-99-109

В XXI в. все чаще различные науки обращаются к изучению повседневности, что обусловлено растущим интересом к частным аспектам жизни человека. Российский учитель-словесник, «явление, – как отмечает современный исследователь В.Ф. Чертов, – во многом уникальное, неповторимое, запечатленное в произведениях художественной литературы, мемуарах, историко-биографических очерках, научных монографиях» [15, с. 3], также становится объектом научного исследования. Помимо традиционных источников, дающих представление о социальных, материальных, эмоциональных аспектах жизни учителя (документация государственных органов и учебных учреждений, учебная литература, научные публикации и пр.), важное значение имеют и источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания, мемуары, некрологи и т.д.). К этому ряду источников относятся и стихотворения *In Memoriam*, написанные учениками в память своих учителей.

В русской литературе хорошо развита традиция стихотворных текстов типа «На смерть...», «Памяти...», «У могилы». В ряду классических примеров стихотворения, хорошо известные учащимся старших классов, включавшиеся в школьные пособия и книги для чтения: «На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина, «Смерть поэта» М.Ю. Лермонтова, «Памяти Добролюбова» Н.А. Некрасова и др. Очевидно, под влиянием подобных произведений в конце XIX – начале XX в. получили распространение и поэтические эпитафии учителю. Чаще всего такие стихи посвящались учителям-словесникам, имевшим значительное влияние

на души своих учеников, что связано, как писал В.П. Острогорский, с особой миссией «того наставника, который должен передать грядущим поколениям своей Родины лучшие образцы, лучшие заветы художников мира и своего Отечества» [9, с. 85].

Рассматриваемые нами стихотворения (всего найдено 6 текстов) были написаны сразу же после смерти адресатов, прочитаны на погребении и опубликованы в периодических изданиях или сборниках памяти учителя. При этом у них есть ряд особенностей. Во-первых, все авторы близко знали героев своих стихотворений, что способствовало предельной искренности текстов, непосредственности чувств, выраженных в них. Во-вторых, это произведения, чаще всего не имеющие литературных достоинств, потому что их авторами являются не профессиональные литераторы (за редким исключением), а в некоторых случаях они написаны учащимися. Кроме того, стихотворения создавались сразу же после смерти героев, по первым впечатлениям, что также не способствовало их высокой художественности.

Все тексты имеют единый принцип организации: акцент в них делается на восприятии смерти учителя и на самом учителе. Личные качества и факты биографии упоминаются в сжатом виде. Авторы создают не конкретные образы своих героев (реальные черты можно лишь уловить), они художественно воссоздают именно образ учителя с его набором добродетелей. Стихотворения в соответствии со спецификой жанра (малая временная дистанция, отделяющая событие реально-биографического плана от лирического отклика на него) имеют и специфическую

эмоциональную окрашенность: в них доминируют мотивы грусти, скорби.

Первое стихотворение посвящено Василию Ивановичу Водовозову (27.IX[9.X].1825, Санкт-Петербург – 17[29].V.1886, там же). Оно было напечатано вместе с некрологом в журнале «Женское образование» [14, с. 411]. Автором его является Владимир Романович Щиглев (1840–1903) – поэт-сатирик, карикатурист и драматург. Он познакомился с Водовозовым, когда перешел в 4-й класс 1-й Санкт-Петербургской гимназии (в 1858 г.). «Стремление к литературному труду, – вспоминает хорошо знавший учителя и его ученика историк В.И. Семевский, – зародилось в Щиглеве под влиянием В.И. Водовозова, у которого он стал бывать еще за год до окончания гимназии и с которым оставался до самой его смерти в дружеских отношениях» [7, с. 50].

Начав печататься еще в гимназические годы, Щиглев позже сотрудничал с журналами «Искра», «Русское слово», «Будильник», «Весельчак», «Нива», «Дело», газетами «Русь», «Северный курьер» и другими изданиями. Оценка его как поэта и человека противоречива. Приведем несколько характеристик: «Это был человек вполне честный, не без некоторого и литературного дарования, но не по разуму радикальный, крайне узкий и однобокий в своих суждениях» (Е.Н. Водовозова) [2, с. 228]; «Он был человек безукоризненно честный, с вполне определенными убеждениями, неспособный ни на какие сделки с совестью; до последней минуты он был верен идеалам молодости. В его многочисленных стихотворениях были иной раз недостатки относительно формы, но по внутреннему

содержанию в них не было ни одного фальшивого звука» (С.Р. Минцлов, В.И. Семевский) [7, с. 51]; «Бездарный радикальный стихотворец Владимир Романович Щиглев, честный, но чрезвычайно тупой человек» (К.И. Чуковский) [12, с. 10].

Провожая 19 мая 1886 г. в последний путь Водовозова, Щиглев шел в траурной процессии, присутствовал при его погребении на Смоленском кладбище, слушал надгробные речи. «Я хотел сказать тоже несколько слов, – вспоминает Щиглев, – но опять ощутил, как что-то изнутри стало сжимать горло. Я побоялся, что не хватит голосу и – ничего не сказал...

А хотел сказать следующее:

Памяти В.И. Водовозова

Знакомо это поле мне!
В последний раз на нем я был,
Когда отца родного здесь
Я хоронил.
Но тот отец, который мне
Жизнь духа даровал,
Еще был крепок телом, бодр,
И недугов не знал.
А время шло... Хотя совсем
Он сделался седым,
Но многим юношам дай Бог
Таким быть молодым!
И вот на этом поле я
Опять среди могил...
Отца души, души моей
Я здесь похоронил!..
Он совершил нелегкий путь,
Путь долгий, трудовой,
Но до конца он шел и шел
Дорогою прямой.
И если в наши времена,
В такой греховный век,
Возможен праведник, то вот,
Святой был человек!
Да, тут его исчезнет прах,
Как исчезает дым,
Но имя честное его
Мы в сердце сохраним»
[13, с. 423]

Стихотворение содержит все формальные и содержательные признаки поэтической эпитафии, в нем соотносятся биографические и условно-поэтические элементы. Для произведений этого жанра обычно характерно отсутствие индивидуализации горя. Авторы, как и те, кто произносит надгробную речь (а все стихи создавались с этой целью), стремятся передать общее горе утраты. В стихотворении Щиглева много личностного, индивидуального. Неслучайно в четырех первых строфах автор шесть (!) раз использует местоимение «Я».

Композиционно текст можно разделить на две части. Первая часть имеет автобиографический характер. Здесь много фактологии. В начале говорится о Смоленском поле, на котором было расположено Смоленское православное кладбище, где рядом с ранее умершим сыном был похоронен В.И. Водовозов (ныне могила утрачена). Скорее всего, именно на этом кладбище был похоронен в начале февраля 1871 г. и отец автора, бывший адъюнкт-профессор Александровского лицея Роман Петрович Щиглев. В это время (если судить по воспоминаниям В.И. Семевского, Е.Н. Водовозовой, В.Р. Щиглева) Водовозов не имел проблем со здоровьем. Первые признаки болезни, сведшей его в могилу, как отмечает в биографическом очерке В.И. Семевский [11, с. 165], проявились лишь за два года до смерти. В воспоминаниях, посвященных Водовозову, Щиглев пишет: «Правда, физически он слабел, но духовно – был таким же бодрым, свежим, энергическим деятелем и безупречным гражданином» [13, с. 420].

Вторая часть в большей степени посвящена идеальному образу учите-

ля. При этом, несмотря на условность жанра и абстрактность характеристик, в целом довольно точно переданы обстоятельства жизни героя. Вся жизнь без остатка Водовозов посвятил делу просвещения: почти 15 лет он преподавал язык и словесность в средних учебных заведениях, руководил тремя учительскими съездами; оказавшись отстраненным от постоянной педагогической работы, составил несколько книг для детского чтения и народной школы, написал несколько трудов по русской словесности. Практически до последних дней, несмотря на болезнь, он занимался с учениками: «Вечно деятельный, постоянно в работе, с утра до позднего вечера, – вспоминает В.И. Семевский, – он не мог выносить праздности и в последние минуты» [11, с. 167]. Все это позволило автору стихотворения охарактеризовать героя как «праведника» и «святого».

Стихотворения *In Memoriam* тесно связаны с сферой поминального ритуала, актуализирующей устойчивые, воспроизводящиеся речевые формы. Ярким примером художественно воссозданного образа абстрактного учителя с его набором добродетелей может служить стихотворение, посвященное московскому словеснику Сергею Абрамовичу Варшеру (8[20].XI.1854, Екатеринослав – 9[21].IV.1889, Москва).

С.А. Варшер окончил 5-ю московскую гимназию, где уже удивлял учителей и одноклассников широтой и глубиной своих знаний. Словесник Е.В. Белявский, пропагандировавший помимо литературных и исторических тем сочинений еще и темы отвлеченные, вспоминает следующий эпизод. После того как в «Московских ведомостях» появился

фельетон, где высмеивалась методика учителя, к нему на урок пришел попечитель московского учебного округа А.П. Ширинский-Шихматов и взял посмотреть сочинение Сергея Варшера на тему «Воспоминания и надежда как два главных источника радости для человека». «Большое его сочинение, – с гордостью вспоминает Е.В. Белявский, – необыкновенно тщательно и чисто переписанное, блестящее и по мыслям и по изложению, не могло, конечно, не удивить попечителя» [1, с. 81].

В 1881 г. Варшер окончил историко-филологическое отделение Московского университета; его соучениками и товарищами были историк М.С. Корелин, философ В.В. Розанов, историк литературы, педагог А.Е. Грузинский, историк и политик П.Н. Милюков, часто бывавший в доме Варшера. По окончании курса он был оставлен университетом для приготовления к кафедре истории всеобщей литературы. Одновременно с приготовлением к магистерскому экзамену Варшер вел уроки русской словесности в старших классах 2-й Московской женской гимназии, реального училища К.К. Мазинга, Черняевского женского училища и 3-го Александровского военного училища, преподавал также в нескольких частных пансионах для девочек и имел много частных уроков. Автор его краткой биографии, сослуживец и товарищ В.Н. Беркут, отмечает, что «уроков у него в некоторые годы было до 50 в неделю, а в некоторые дни скапливалось до 500 тетрадей, но он не падал духом и с удивительной энергией продолжал свою подвижническую деятельность» [10, с. 47].

Преждевременная и неожиданная смерть Варшера стала ощутимой общественной потерей. «Едва ли проливалось, – отмечает автор некролога, – когда-нибудь столько молодых, а следовательно, и самых искренних слез, как за последние три дня. Покойный имел около 1000 учеников и учениц в разных учебных заведениях, и на лицах этой молодежи во время панихиды, а в особенности на похоронах, было ясно видно, как живо чувствовала она свою тяжелую утрату» [8].

Во время прощания на Ваганьковском кладбище в ряду надгробных речей сослуживцев, товарищей, учеников прозвучали следующие стихи:

Еще успокоился труженик честный,
Оставив не мало следов по себе:
И в мире науки – талантом известный,
И в сердце людском – по своей доброте.

Зачем ты так рано покинул отчизну,
Мечтавшую в лаврах увидеть тебя,
И нас ты заставил печальную тризну
Справлять – и оплакивать вечно тебя?

Зачем так ужасно судьба насмеялась,
Украшив умершего ветвью живой,
И жизнь молодая на веки умчалась
Под мрачные своды могилы сырой?

Так пусть же в молитве Господь
нас услышит
И счастье святое дарует тебе;
Душа твоя светлая истиной дышит,
Так пусть же приблизит ее Он к себе.

[10, с. 22]

Если автор предыдущего стихотворения – профессиональный литератор, написавший множество поэтических некрологов, посвященных М.Е. Салтыкову-Щедрину, Н.Г. Чернышевскому, С.М. Степняку-

Кравчинскому и др., то автор этих стихов В.И. Кишкин – ученик V класса реального училища К.К. Мазинга. Свое глубокое эмоциональное потрясение юный автор пытается передать, используя традиционные приемы: анафору, риторические вопросы, повтор. В тексте много клишированных, ритуально-этикетных фраз («печальная тризна», «жизнь молодая», «мрачные своды могилы сырой», «счастье святое»), и сам он строится по традиционной схеме. В первой строфе фиксируется факт смерти героя, обладающего набором добродетелей (в данном случае «честный труженик», «в мире науки талантом известный», «добрый человек»). При этом первая характеристика («честный труженик») – штамп, активно используемый в текстах некрологического характера («Честный труженик, уснувший! / Спи спокойным сном в могиле!» Л.И. Пальмин «Тучки», 1878) и применяющийся для создания комического эффекта («Мир праху твоему, честный труженик!» А.П. Чехов «Жизнь в вопросах и восклицаниях», 1882). А две другие характеристики («в мире науки талантом известный», «добрый человек») имеют реальную основу. Известно, что Варшер активно занимался научной деятельностью. Еще в университете он удостоился похвальных отзывов профессоров Н.С. Тихонравова, Ф.И. Буслаева, Н.И. Стороженко, имел несколько научных публикаций, успешно сдал магистерский экзамен. Многие сослуживцы и ученики отмечали также необыкновенную доброту Варшера, его искреннее участие в делах учащихся. Неслучайно в надписи на одном из венков он был назван «учителем-другом».

«При таком положении дел, – вспоминает М.С. Корелин, – похороны Сергея Абрамовича Варшера представляли собою весьма необычное и весьма интересное явление в нашей общественной жизни. На его могиле собралась огромная толпа не только учащихся, но и давно окончивших курс, и глубокое и беззаветное горе одинаково обнаруживалось у тех и других» [10, с. 59].

Следующие две строфы представляют ряд риторических вопросов, помогающих автору выразить свое отношение к произошедшему трагическому событию, при этом чередование форм 2-го и 3-го лица позволяет автору передать и общее, и личное горе. Несмотря на то, что стихотворение посвящено смерти конкретного человека, в нем доминируют философские мотивы бренности жизни. Непреднамеренно, по причине юного возраста автора и отсутствия поэтического опыта, здесь отсутствуют индивидуально значимые, личностно-ориентированные моменты (впрочем, сделан акцент на факте ранней смерти героя). Адресатом такого стихотворения мог быть любой учитель вне зависимости от его педагогических заслуг, методического опыта: главное – он должен повлиять на ученика. Заключительная строфа – традиционное для жанра надгробных речей обращение к Господу с просьбой о принятии светлой души праведника.

Следующее стихотворение посвящено Виктору Петровичу Острогорскому (16[28].II.1840, Санкт-Петербург – 31.III[13.IV].1902, Валдай, ныне Новгородской области). Приведем его текст.

Памяти
Виктора Петровича Острогорского

«Духа не угашайте»
(Ап. Павел)

Ты умер... Эта весть вчера дошла до слуха,
Но среди нас стоишь ты, как живой,
И вновь звучат слова: «Не угашайте Духа»,
Ты их не уставал вещать перед толпой.
В тебе душа избранника пылала,
Она была, как пламя, горяча,
Она твой путь тернистый освещала
И жгла тебя, горел ты, как свеча...
Есть много званных, избранных так мало.
Ты из «немногих» был, учитель дорогой,
Но сердце чуткое за многих отвечало
На всякий звук призывный и родной.
И это сердце биться перестало,
И утомленная поникла голова,
Струны отзывчивой, надорванной

не стало,

Вернулась к Богу искра Божества.

2-го апреля 1902 г. [5, с. 3]

Автор стихотворения – М. Зубкова, бывшая ученица В.П. Острогорского по классам новых языков М. Бобринцевой-Пушкиной. Это показательно, так как Острогорский много преподавал в различных женских учебных заведениях, активно выступал в печати за права женщин. В написанном по непосредственным впечатлениям от смерти стихотворении (в отличие от других) нет, кажется, горечи утраты, как и напутственных пожеланий умершему («Спи ж тихо, учитель родимый»). Главное здесь – в осмыслении личности героя. Если Шиглев использует традиционную для некролога форму 3-го лица («он совершил нелегкий путь», «его исчезнет прах»), а Кишкин чередует форму 2-го и 3-го лица, то в стихотворении Зубковой используется исключительно форма 2-го лица («Ты умер...»). Стихотворение приобретает жанровые черты послания и вследствие этого особую задушевность тона, интимность.

Стихотворению предпослан эпиграф из «Первого послания к фессалоникийцам святого Апостола Павла». Роль этого эпиграфа раскрывается уже в начале стихотворения. Очевидно, эти слова («Духа не угашайте») Острогорский не раз произносил в классе. Ученики часто ассоциируют своих учителей с их любимыми словами, что нередко обыгрывается в текстах некрологического характера. Так, некролог учителю русского языка Нижегородского кадетского корпуса А.И. Кильчевскому начинается следующими словами: «Учитесь, господа – учитесь!» – неизменно раздаётся у меня в душе этот призыв доброго учителя, как в былое время раздавался в ушах лишь начинался урок русского языка и в класс входил Агафоник Иванович Кильчевский» [3, с. 63]. А некролог-воспоминание Осипа Дымова [4], посвященный словеснику П.В. Смирновскому, композиционно выстроен вокруг фразы, очевидно, из пособия Смирновского: «Мы вышли в поле, а в поле народу уже не было».

В стихотворения подобного жанра нередко включают реминисценции из других (чаще всего образцовых) произведений на эту тему. В данном тексте реализуется традиция стихотворения Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова» (1864). Причем связь текстов имеет не формальный, а системный характер. В обоих стихотворениях схожий размер (5–6-стопный ямб), позволяющий создать ощущение повествовательности, медитативности, чередование женской и мужской рифмы, использование местоимения «Ты» при обращении к герою, мотив избранничества и намеренное отсутствие мотива отчаяния. Зубкова использует почти прямую цитату («И это сердце биться перестало» – «Какое сердце биться

перестало!»). Жизнь и смерть героев стихотворений Некрасова и Зубковой уподобляются горящему – гаснущему огню («свеча» у Зубковой и «светильник» у Некрасова).

В стихотворении, посвященном Острогорскому, важную роль играет мотив поэтизации смерти, причина которой романтизируется: «утомленный» герой проходит «путь тернистый». Героичность образа учителя не только подчеркивается, но и усиливается сравнением его с «надорванной струной» и «горящей свечой». Библейские образы и мотивы проходят через все стихотворение. Помимо многозначной фразы «Духа не угашайте» и включения библейской лексики и образов, в стихотворении используется и Евангельская притча о «званных» и «избранных» (Мф. 22, 1-14), помогающая осмыслить образ учителя, раскрыть сущность его профессии.

Смерть учителя всегда вызывала общественный резонанс. В силу профессии его знало большое количество людей. И если он был хорошим учителем, и тем более если он уходил из жизни преждевременно, то проводить его в последний путь приходило много людей (родственники, коллеги, ученики, их родители). Реакцией на смерть были и разнообразные формы откликов в печати, в том числе воспоминания, сборники, посвященные памяти учителя, цель которых не просто запечатлеть, но и обессмертить дорогой образ. Один из таких сборников посвящен известному петербургскому учителю-словеснику *Петру Владимировичу Смирновскому* (28.I[9.II].1846, Радом, Польша – 18.II[2.III].1904, Санкт-Петербург). В нем помимо биографии Смирновского дана краткая хроника похорон его на Новодевичьем кладбище и приведены два стихо-

творения, прочитанные во время прощания, и стихотворение, присланное после похорон. Авторы произведений не указаны, при этом подчеркивается, что первое («На погребение П.В. Смирновского») прочитано гимназистом старшего класса с «процужествованным молодым голосом», а второе («Памяти Петра Владимировича Смирновского») – учеником со «звонким детским голосом».

Эти стихотворения практически не имеют художественных достоинств, в них используются банальные рифмы, присутствуют стилистические недочеты, нарушения в согласовании, однако тексты дают возможность выяснить, как в массовом сознании учеников воспринимается образ идеального учителя-словесника. Композиция всех стихотворений сходна. Вначале идет констатация факта смерти «дорогого учителя», «честного работника», причем авторы используют мотивы неожиданной, преждевременной смерти («Но зачем же ушел он от нас, / Преждевременно на небо взятый...»), изнурительного труда («Слишком много он бился работой – / А она и сломила его / Вместе с тяжелой житейской заботой»). Важную роль здесь играет мотив памяти, преодолевающей время, позволяющий не просто запечатлеть, но и обессмертить образ идеального учителя («Сколько было заботы, труда, / Чтоб на праведный путь нас наставить; / Не забудем его никогда, / Хотя смерти нельзя уж поправить»). Основная тема стихотворений – героизация учительского труда, создание образа идеального учителя-словесника, не жалевшего времени и сил для формирования личности своих учеников, их нравственного мира, прививавшего любовь к людям и Богу.

Приведем одно из стихотворений, как наиболее репрезентативное, отражающее структурно-содержательные особенности всех текстов:

**На погребение
П.В. Смирновского**

Хор тихо звучит погребальный,
Кадила разносится дым.
А мы все толпою печальной
Над свежей могилой стоим.

Но что ж так безмолвно, уныло
В груди с затаенной тоской,
Стоим мы над этой могилой?..
– Учитель угас дорогой! –

Недолго болел он! Не ждали
Так скоро мы этой грозы! –
Угас... отошел... и в печали
Мы все уронили слезу.

И скоро холодной землею
Навеки засыплется тот,
Кто к знанию твердой рукою
Нас долго вел, полный забот.

Кто жизнь всю, все лучшие силы
С любовью нам посвятил,
Трудился для нас до могилы,
Безропотно крест свой сносил.

Он многих из нас, слава Богу,
За эти былые года
На честную вывел дорогу,
Дорогу святого труда.

Но он и в последние годы
Остался все верен труду,
Усталый, не зная свободы,
Почил он на этом посту...

Не знал ни минуты свободной
Он, нам отдаваясь душой,
И здесь лишь, в могиле холодной
Найдет он отрадный покой.

Но, труженик честный, душою
Мы все оценили тебя,

И гроб твой печальной толпою
Теперь провожаем, скорбя.

И в этой могиле глубокой,
Без дум и заботы на челе,
Не будешь ты спать одиноко,
Забывтый в холодной земле.

Тебя никогда не забудет
Твоих всех питомцев толпа,
Для них постоянно будет
К могиле родимой тропа.

Спи ж тихо, учитель родимый,
Ничто не тревожит твой прах!
Так долго трудами томимый
Ты там отдохнешь в небесах.

[6, с. 21–23]

В русской литературе и журнальной публицистике XIX – начала XX в. сформировался в основном негативный образ учителя-словесника (произведения И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.К. Сологуба и др.). Авторы стихотворений In Memoriam, содержащих больше эмоций, пафоса, чем фактов, не пытаются воссоздать конкретный образ, а рисуют идеализированный пример для подражания в учительской среде. Проведенный анализ показывает, что в сознании учеников учитель-словесник воспринимался как идеальная личность, обладающая высокими нравственными (духовность, искренность, доброта, готовность к самопожертвованию) и профессиональными (знание предмета, преданность профессии, трудолюбие, любовь к ученикам) качествами. Деятельность учителя рассматривалась как борьба с невежеством, героическое жертвенное служение.

Библиографический список

1. *Белявский Е.В.* Педагогические воспоминания. М., 1905.
2. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: В 2 т. Т. 2. М., 1987.
3. *Громека М.Н.* Агафоник Иванович Кильчевский // Педагогический сборник. 1905. № 7. С. 63–73.

4. Дымов О. Смерть педагога // Краткая биография Петра Владимировича Смирновского. М., 1904. С. 28–29.
5. Зубкова М. Памяти В.П. Острогорского // Мир Божий. 1902. № 5. С. 3.
6. Краткая биография Петра Владимировича Смирновского. М., 1904.
7. Минцлов С.Р., Семеvский В. Старый шестидесятник // Голос минувшего. 1916. № 9. С. 40–53.
8. Один из товарищей. Некролог С.А. Варшера // Русские ведомости. 1889. 12 марта.
9. Острогорский В. Учитель словесности // Образование. 1895. № 1. С. 83–87.
10. Памяти Сергея Абрамовича Варшера (1854–1889 гг.). М., 1889.
11. Семеvский В.И. Василий Иванович Водовозов. СПб., 1888.
12. Чуковский К. Поэт и палач. Пг., 1922.
13. Шиглев В.Р. Василий Иванович Водовозов // Русская старина. 1886. Т. LII. С. 405–424.
14. Шиглев В.Р. Памяти В.И. Водовозова // Женское образование. 1886. № 5. С. 411.
15. Чертов В.Ф. Русская словесность в дореволюционной школе. 2-е изд. М., 2013.

References

1. Belyavsky E.V. Pedagogicheskie vospominaniya [Pedagogical memories]. Moscow, 1905. (In Russ.)
2. Vodovozova E.N. Na zare zhizni [At the dawn of life]. Vol. 2. Moscow, 1987. (In Russ.)
3. Gromeka M.N. Agafonik Ivanovich Kilchevsky. *Pedagogicheskij sbornik*. 1905. No. 7. Pp. 63–73. (In Russ.)
4. Dymov O. The death of a teacher. *Brief biography of Peter Vladimirovich Smirnovsky*. Moscow, 1904. Pp. 28–29. (In Russ.)
5. Zubkova M. In memory of V.P. Ostrogorsky. *Mir Bozhij*. 1902. No. 5. P. 3. (In Russ.)
6. Kratkaya biografiya Petra Vladimirovicha Smirnovskogo [Brief biography of Peter Vladimirovich Smirnovsky]. Moscow, 1904. (In Russ.)
7. Mintslov S.R., Semevsky V. Old sixties. *Golos minuvshogo*. 1916. No. 9. Pp. 40–53. (In Russ.)
8. One of the comrades. Obituary S.A. Warshera. *Russkie vedomosti*. 1889. March 12. (In Russ.)
9. Ostrogorsky V. The teacher of literature. *Obrazovanie*. 1895. No. 1. Pp. 83–87. (In Russ.)
10. Pamyati Sergeya Abramovicha Varshera (1854–1889) [In memory of Sergey Abramovich Warshera (1854–1889)]. Moscow, 1889. (In Russ.)
11. Semevsky V.I. Vasily Ivanovich Vodovozov. St. Petersburg, 1888. (In Russ.)
12. Chukovsky K. Poet i palach [Poet and executioner]. Petersburg, 1922. (In Russ.)
13. Schiglev V.R. Vasily Ivanovich Vodovozov. *Russkaya starina*. 1886. Vol. LII. Pp. 405–424. (In Russ.)
14. Schiglev V.R. In memory of V.I. Vodovozova. *Zhenskoe obrazovanie*. 1886. No. 5. P. 411. (In Russ.)
15. Chertov V.F. Russkaya slovesnost' v dorevolyucionnoj shkole [Russian literature in the pre-revolutionary school]. 2nd ed. Moscow, 2013. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.03.2020, принята к публикации 25.05.2020

The article was received on 20.03.2020, accepted for publication 25.05.2020

Сведения об авторе / About the author

Лазарев Юрий Васильевич – доктор педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой журналистики факультета русской филологии и национальной культуры, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Yuri V. Lazarev – ScD in Education, Associate Professor; Head of the Department of Journalism, Russian Philology and Culture Faculty, Ryazan State University named for S.A. Yesenin

E-mail: jurnalist.rgu@gmail.com